

Доброго пути, сын!

Первым университетом для Бориса Евгеньевича была семья, в которой он вырос. Его отца Евгения Оскаровича Патона я видел единственный раз — в 1952 году. Это произошло в Киевском политехническом институте в день защиты Борисом Евгеньевичем диссертации на соискание ученой степени доктора технических наук. Первым оппонентом по диссертации был академик Сергей Алексеевич Лебедев. Мне, тогда аспиранту Института электротехники АН Украины, надо было встретиться с ним, чтобы проконсультироваться по предложенной им теме кандидатской диссертации (триггер на безламповых элементах). Когда я появился в зале, где заседал ученый совет, он был уже заполнен. Члены совета сидели за длинным столом в центре зала, а впереди стола и немного сбоку на кресле с подлокотниками сидел Евгений Оскарович Патон. Прямо перед собой он держал трость, положив на нее скрещенные кисти рук. Многие, а не только я, с интересом рассматривали знаменитого ученого. Он смотрел прямо перед собой, о чем-то задумавшись, и так просидел всю защиту. Она прошла очень успешно. Запомнилось большое количество отзывов от промышленных предприятий о результатах работ, выполненных Борисом Евгеньевичем. Когда защита закончилась, я сумел проконсультироваться у С.А. Лебедева и, помню, был очень доволен этим.

Борис Евгеньевич был тогда заместителем директора Института электросварки АН УССР, руководимого отцом и носившего его имя, присвоенное институту в год 75-летия Е.О. Патона. Когда ученый секретарь совета зачитал биографическую справку о диссертанте, оказалось, что Б.Е. Патон старше меня на три года, окончил Киевский политехнический институт перед самой войной. Молодых специалистов, окончивших технические вузы в 1941 году, в армию не взяли, а большинство послали на заводы, выпускающие военную технику. Так Б.Е. Патон оказался в числе танкостроителей.

Конечно, мне и в голову не приходило, что буду вспоминать эту встречу с двумя Патонами через 50 лет. Возвращаясь к сидящему в зале Евгению Оскаровичу, о котором сейчас многое узнал, и ставя себя, имеющего трех взрослых детей, на его место, пытаюсь представить, о чем мог думать 82-х летний отец, наблюдая за ходом защиты.

Мысли ученого мелькали, как картинки в калейдоскопе, — одна спешила сменить другую:

"Годы все больше и больше берут свое..."

"...Можно было бы и не приходиться на защиту, чтобы избежать лишних разговоров, но ведь я член этого совета и обязан быть здесь... А кто-то наверно, подумает — уже без палки ходить не может, а сына поддержать пришел..."

"...Не сына, дорогие коллеги, а дело, которому отдал двадцать последних лет жизни и которое должно жить в сыне!"

"...Знаю — не надо волноваться, диссертация отличная. Устойчивостью сварочной дуги Борис начал заниматься еще в годы войны, когда институт находился в Нижнем Тагиле, участвуя в создании высококачественных сварочных автоматов, выручивших танковую промышленность..."

"...В Нижнем Тагиле, когда только еще присматривался к сыновьям, старший — Владимир, вначале показался более хватким. Но позже стало ясно, что успешнее продолжать главное дело его жизни, ради которого все годы работал как вол, будет Борис. С годами он все больше и больше и характером и делами в меня".

"...Поэтому и решил сделать Бориса своим заместителем по институту. Тогда "семейственность" не приветствовалось, наоборот, запрещалась. Но настоял на этом и убедился, что правильно сделал. За прошедшие полтора года сын сумел снять, с него многие директорские заботы. Не оставил и свои научные исследования, получил Государственную премию".

"...Всю войну работали по законам военного времени, не думали о диссертациях. Зато многие привезли с Урала ордена, в том числе и Борис, а зря их не давали — с помощью разработанных в институте сварочных автоматов сварены тысячи километров швов танковой брони.... Там тоже был фронт".

"...Поступивших отзывов на диссертацию, пожалуй, даже слишком много, — промелькнуло у него в голове. — Для недоброжелателей, — а они всегда найдутся, — это причина сказать, что старый Патон перестарался, наверно звонил и писал письма, куда только мог, чтобы поддержали сына. Ну, и пусть — так думать могут те, кто не знает как в начале 30-х годов ему пришлось заниматься сваркой практически с нуля, как создавался институт, который потом дважды почти погибал — в начале войны и при возвращении в разрушенный Киев, и снова восстанавливался, словно птица Феникс из пепла. За 20 лет жизни он — таки поставил сварку на ноги, превратив ее в важнейшую отрасль науки и техники. А сколько уже сделал и как замечательно работает Борис... Доброго пути, сын!"

Отзывы о диссертации старый ученый почти не слушал. Все они — он знал — были весьма положительными. Был внимателен лишь когда выступал первый оппонент — академик Сергей Алексеевич Лебедев, один из крупнейших в стране специалистов по проблеме регулирования и стабилизации электрических процессов в сетях и электротехнических устройствах, чему и посвящена диссертация. Известный ученый высоко оценил работу и пожелал молодому ученому успехов в дальнейшем развитии исследований.

Во время обсуждения диссертации выступали многие. Евгений Оскарович всех их знал и даже мог предположить, что они скажут, поэтому вероятно не очень вслушивался. Но вот слово взял академик К.К. Хренов. Когда-то — это было сразу после войны — Евгений Оскарович пригласил его, работавшего в Москве (лауреата Сталинской премии за разработку технологии сварки под водой) в Киев своим заместителем по институту. Но... не сработались. Константин Константинович увлекался написанием книг, рекламой своего метода сварки под водой, словом стиль его работы не подходил к задачам института. Вскоре он стал проректором и заведующим кафедрой сварки в КПИ.

Поддержав в принципе работу диссертанта, он добавил, что отзывов слишком много, хватило бы и половины.

В то время меня вопросы взаимоотношений двух академиков не интересовали, и выступление К.К. Хренова я пропустил, как говорится, мимо ушей. О реплике академика мне напомнил член-корреспондент В.И. Трюфяков уже тогда, когда я стал писать эту книгу.

Начав с защиты Б.Е. Патона докторской диссертации, я пропустил многое, что было до этого в семье Патонов. И хочу вернуться к годам более отдаленным.

Родительские университеты

Влияние отца на Б.Е. Патона было огромно. По своим человеческим и деловым качествам они — словно близнецы. Не случайно украинские астрономы, открыв очередной астероид дали ему двойной номер 27-27 и название "Патоны".

Рассказать о Б.Е. Патоне невозможно без рассказа о его отце.

Вряд ли можно описать жизнь и творчество Евгения Оскаровича лучше, чем это сделал он сам в своих "Воспоминаниях" (М. 1958 г). Мы возьмем из них только главные страницы, связанные с первым периодом жизни, с Великой Отечественной войной и основными результатами деятельности этого замечательного человека.

"Я родился в 1870 г. в семье русского консула в Ницце, бывшего гвардейского полковника Оскара Петровича Патона, — пишет Е.О. Патон. — Я и любил и побаивался отца. Это был суровый, немногословный человек, скупой на внешние проявления чувств, но в действительности отзывчивый и сердечный. В семье царил строгая дисциплина. Нас, детей, в семье было

семеро — пять братьев и две сестры. Больше всего отец не терпел лени и праздности. Девочкам еще давались поблажки, но с мальчиков в семье спрашивали по всей строгости. Отец требовал, чтобы дома все говорили между собой по-русски, но он же настоял, чтобы все мы, кроме родного языка, изучили еще французский, английский и немецкий. За это я был благодарен отцу и через десятки лет".

В 1894 году Е.О. Патон заканчивает Дрезденский политехнический институт и получает диплом инженера-строителя. Через два года он блестяще заканчивает второй институт в Петербурге и получает диплом русского инженера. В 1900 г защищает диссертацию, дающую право на звание профессора. В 1904 г. переезжает из Москвы в Киев и становится деканом инженерного факультета и заведующим кафедрой мостов Киевского политехнического института. В 1916 г. он женится на Наталье Викторовне Будде. Здесь, в Киеве, рождаются его дети — Владимир (1917 г.) и Борис (1918 г.). Он выполняет целый ряд проектов по созданию мостов и становится крупнейшим специалистом в этой области. В 1928 г. происходит его первое знакомство с электросваркой. В 1934 г. Е.О. Патон создает Институт электросварки АН УССР. Зловещий 37-й обошел его семью стороной. Именно в этот год исполнилось 40 лет его трудового стажа.

В архиве НАН Украины сохранилось выступление Е.О. Патона во время чествования на заседании Президиума. Оно ярко отражает то время и характер самого Е.О. Патона.

"Товарищи, когда 15 лет назад в Киевском политехническом институте отмечали 25-ти летний юбилей моей работы, я получил ряд адресов с хвалебными оценками моей деятельности. Потом, когда я подумал над этим, то пришел к твердому убеждению, что они в высшей степени преувеличены. Я действительно упорно работал и работаю, не покладая рук. Это верно. Но чтобы я сделал какое-нибудь открытие в науке, внес в нее ценный вклад, то этого у меня, определенно, нет, и это я говорю совершенно откровенно.

(Академик А.Г. Шлихтер — а мосты!?)

Моя жизнь сводится к непрерывному труду, и, естественно, он должен был дать какие-то результаты. Но чтобы было получено что-нибудь выдающееся — думаю, что нет. Я считаю, что празднования юбилеев 25-40-50-летия научной работы — это пережиток старого времени, и я думаю, что впредь должна наступить другая оценка работы людей. Вот вы все читали в газетах, какую оценку получила группа лиц, которая побывала на Северном полюсе. Их действительно есть за что награждать и это действительно то, что нужно отмечать. Возьмите перелет Чкалова и его товарищей в Америку. Это тоже большое событие. И в науке могут быть такие факты, что человек работает и что-то изобретет. Вот это нужно ценить и нужно отмечать.

И, исходя из этого, я и просил товарищей по институту и нашего президента Александра Александровича Богомольца, чтобы не делать этого чествования. Но вышло не так. И хотя все проходит скромно, но мне приходится присутствовать на таком заседании, где, опять-таки, говорится обо мне.

Я хотел бы еще сказать по поводу того, что говорил Александр Георгиевич Шлихтер. Он считает мою работу соответствующей переживаемому сейчас времени. Я должен сказать, что мне в высшей степени приятно и радостно это слышать и должен сказать, что для меня никакой перестройки не потребовалось при переходе от одного режима к другому. Я объясняю это тем, что я всегда трудился, а труд есть основа того времени, в котором мы сейчас живем. И поэтому мне, как привыкшему трудиться, это было очень просто. Но я должен, кстати, признаться, что за неимением времени я не смог пополнить свои знания изучением литературы Маркса и Энгельса. Однако меня радует то, что новое, что я вижу, чему учат людей, у меня это как-то естественно получается. И я считаю, что этим самым уменьшается тот пробел, который я не имел возможности вовремя заполнить.

В заключение хочу сказать, что я могу заверить Президиум Академии наук и наше правительство и партию, что оставшиеся у меня силы я, безусловно, посвящу и сделаю все от меня зависящее для того, чтобы нашему социалистическому строительству принести еще ту пользу, которая по моему состоянию здоровья возможна". (Аплодисменты).

Откровенно прямым и смелым был Е.О. Патон! Сказать в то время, что он не читал сочинения Маркса и Энгельса (что записали в протокол!) было совсем не безопасно. Он не мог не знать об этом. Всего месяц назад от грязной руки одного из "доброжелателей" пострадал член. корр. В.С. Филькенштейн. На основании письма НКВД Президиум тогда принял решение:

Постанова №321

Президії Академії наук УРСР від 2.06.1937 р. про Фількенштейна В.С. Фількенштейна В.С. як контрреволюціонера дворушника і ворога партії, уряду і радянського народу виключити зі складу Академії наук УРСР.

От автора. Филькенштейн Владимир Соломонович (20.08.1896 — 16.09.1937) — физико-химик, член-корреспондент АН Украины (1934 г.), работал в Институте химии и Институте физической химии АН Украины заместителем директора. Погиб в ходе массовых репрессий, реабилитирован посмертно.

Е.О. Патона, действительно, спас... труд. В конце 1940 г. он пригласил в институт Н.С. Хрущева.

В своих воспоминаниях Евгений Оскарович пишет:

"...Приехав к нам, Никита Сергеевич попросил, чтобы его сразу же проводили в лабораторию, где можно посмотреть в действии новый сварочный автомат. Вместе с ним туда направились я и несколько сотрудников. Через пять минут станок был пущен. Секретарь ЦК КП(б)У внимательно следил за тем, как вдоль куска стали ползет сварочная головка, автоматически подавая электрод с заданной скоростью. Впервые

приходилось товарищу Хрущеву видеть сварку, при которой дуга скрыта от глаз. Удивительной казалась ему и та большая скорость, с которой на куске стали наращивался невидимый пока шов.

Я давал только самые краткие необходимые пояснения о сущности и особенностях нового способа сварки. Никита Сергеевич быстро разобрался в его достоинствах. Когда сбили черную корочку запекшегося шлака и обнажилась чешуйчатая поверхность сваренного стыка, Никита Сергеевич обернулся ко мне:

— Все вижу сам, Евгений Оскарович. Вы и ваши товарищи сделали большое, можно сказать, великое дело. Автоматическую сварку непременно нужно использовать в нашей промышленности. И сделать это мы постараемся сразу же, с большим, с государственным размахом. Прошу вас, не откладывая, написать мне докладную записку. Укажите точно, с каких заводов, по вашему мнению, лучше начать. И что для этого нужно сделать правительственным органам. Это первое.

Второе: изложите, что требуется вам, институту, в чем нуждаетесь, чем мы можем помочь вам. Не стесняйтесь в своих требованиях, дело того стоит. А я уже лично доложу обо всем Союзному правительству. И о том, что видел у вас, и о ваших и своих предложениях. Договорились? Согласны?"

На основании докладной записки Е.О. Патона Н.С. Хрущев написал докладную записку Сталину. Тот распорядился срочно подготовить постановление СНК и ЦК ВКП(б) о развитии и применении разработанной в ИЭС АН УССР сварки под флюсом на 20 заводах страны.

В разговоре с Хрущевым Сталин спросил:

— А Патон справится?

— Я уверен, что справится, — ответил Хрущев. И не ошибся. (О разговоре Хрущева со Сталиным мне рассказал Б.Е. Патон.)

20-го декабря 1940 г., всего через две недели после этого разговора было принято постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б), где отмечались значительные преимущества метода автоматической электросварки голым электродом под слоем флюса в сравнении с прочими методами дуговой сварки и большая работа, проделанная Институтом электросварки АН УССР по разработке аппаратуры и технологии скоростной автоматической сварки. Институту вменялась обязанность помочь в освоении сварки под флюсом на 20-ти крупнейших заводах страны.

Е.О. Патона пригласили в Кремль. У заместителя Председателя Совнаркома В.А. Малышева собрались все наркомы, упомянутые в постановлении. Приехал, из Киева и Никита Сергеевич Хрущев.

"...Люди, которых знает вся страна, внимательно слушали меня — украинского ученого, вникали в подробности, своими вопросами старались выяснить, что может дать новый метод сварки для промышленности, — вспоминает об этом совещании Е.О. Патон. Впервые я так близко сталкивался со старшими командирами нашей индустрии.

Вслушиваясь в замечания наркомов, я думал о великой ответственности людей науки перед народом. Любая наша, пусть самая маленькая, ошибка становится преступной, если она выйдет незамеченной из лаборатории и будет неизбежно помножена на неудачи в десятках цехов".

С тех пор Н.С. Хрущев всегда поддерживал Е.О. Патона. Кстати сказать, в Институте сварки ни в 1937 году, ни позже никто репрессиям не подвергался. И причиной этого была не столько поддержка Н.С. Хрущева, а опять-таки... труд. Работа была организована так, что писать кляузы времени да и причин не было — атмосфера в институте определялась высокой порядочностью его руководителя.

Не могу не добавить, что в 1937-м году только случай спас семью моего отца. Войдя в кабинет, указанный в повестке, вызывающей в НКВД, отец увидел человека, сидевшего за столом. Тот, посмотрев на него, вдруг спросил:

Николай Васильевич! Это Вы? — Взял у отца повестку, изорвал ее и тихо сказал:

Идите отсюда и никому не говорите, что были у меня!

Бывший ученик имел мужество спасти своего учителя. Об этом отец рассказал мне спустя много лет, за год перед смертью.

С середины декабря 1940 года Е.О. Патон в институте бывал наездами — раз в месяц приезжал на неделю для решения срочных дел. Его временно перевели в Москву, в Совнарком СССР, назначив Государственным советником. Задача — координировать деятельность разных наркоматов и десятков организаций. Двадцать крупнейших заводов страны за полгода снабдить рабочими чертежами автосварочных установок. Силами институтских инструкторов обеспечить заводам техническую помощь — вплоть до пуска и освоения новой техники. Евгений Оскарович словно помолодел. В свои 70 лет он развернул кипучую деятельность и добился быстрого развертывания работ, предусмотренных постановлением.

А вскоре пришла и вполне заслуженная награда: Евгению Оскаровичу Патону была присуждена Сталинская (теперь это Государственная) премия первой степени.

Е.О. Патон, однако, посчитал несправедливым, что премия присуждена ему одному, а не коллективу творческих участников работы. Он отправил письмо на имя Председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова, где доказывал необходимость исправить ошибку. И приложил список сотрудников, непосредственно участвовавших в создании автоматической сварки под флюсом.

"Товарищ Сталин не ошибается", — ответил Молотов. Для премирования сотрудников правительство выделит дополнительные средства в Ваше распоряжение".

Е.О. Патон не стал ждать обещанных средств. Он пригласил к себе основных участников работы и попросил номера их сберегательных книжек. А потом перевел им всю сумму. Себе не оставил ничего.

Дополнительные средства были, однако, выделены — также сто тысяч. Правительство выполнило свое обещание. Приказом по институту все остальные отличившиеся при освоении и внедрении скоростной сварки сотрудники были премированы.

Правительство очень высоко оценило работу украинского ученого. Он оказался в списке самых первых лауреатов Сталинской премии. Среди них были авиаконструкторы Лавочкин, Ильюшин, Яковлев, Микоян, Поликарпов, Петляков, конструктор тяжелых танков Котин, создатели стрелкового оружия Дегтярев, Шпагин, Токарев, артиллерии — Грабин. Но великий подвиг Е.О. Патона был еще впереди.

Из книги Б.Н.Малиновского
"Академик Борис Патон. Труд на всю жизнь",
М.: ПЕР СЭ,2002